

О.И. Андреева

Пределы свободы поведения личности в российском уголовном процессе

Конституция РФ (ст. 45) закрепляет положение, согласно которому в России гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина, имеющего право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. При этом «личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми, не запрещенными законом способами, и спорить с государством в лице любых его органов» [1].

Правовое регулирование, установленное Конституцией РФ и закрепляющее свободу поведения человека и гражданина, по-разному находит свое проявление в зависимости от сферы, в которой он действует. Это подтверждается и тем, что Конституция РФ предусматривает различные уровни гарантий прав и свобод человека исходя из потребностей защиты публичных и частных интересов.

В уголовном судопроизводстве человек, независимо от его процессуального статуса, обладает всеми присущими ему, в том числе естественными, правами, являющимися неотчуждаемыми и существующими независимо от признания или непризнания государством.

Вместе с тем УПК Российской Федерации содержит перечни прав участников уголовного процесса, причем различные по объему. В связи с чем возникает вопрос: насколько подробно должны быть изложены правомочия личности в уголовно-процессуальном законодательстве? Должны ли в нем по возможности полно содержаться естественные права, а также права, содержащиеся в нормах международного права?

Права человека должны определять всю систему уголовного процесса. Процессуальные права участвующих в деле лиц есть юридическое выражение естественного права защищать свои права и свободы всеми средствами и способами, не запрещенными законом. Отсюда следует, что совокупность прав участников уголовного процесса является средством и должна быть достаточной для реализации этого права. Учитывая уровень правовой культуры граждан в России, принимая во внимание сопротивление должностных лиц необходимости обеспечения прав личности и тяжесть последствий их нарушения,

полагаем, что уголовно-процессуальное законодательство должно содержать по возможности полный перечень прав личности – участника уголовного процесса – как условие конкретизации содержания прав. Причем эта совокупность прав должна быть необходимой и достаточной для решения задач уголовного судопроизводства и для защиты прав и законных интересов личности исходя из ее процессуального положения. При этом отсутствие в перечне правомочий какого-либо права человека не должно рассматриваться должностным лицом как его непризнание или умаление. Единство природы самого права должно быть сохранено [2]. В этой связи как гарантия соблюдения прав особенно важен институт обжалования в судебном порядке действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. На наш взгляд, ст. 125 УПК Российской Федерации, регулирующая судебный порядок рассмотрения жалоб на действия или бездействие должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, должна предоставлять возможность лицу обжаловать не только их решения и действия (бездействие), которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам либо затруднить доступ к правосудию, но и те, которые способны причинить ущерб правам, содержащимся в нормах международного права и договорах, ратифицированных Россией.

Закрепленные в Конституции РФ права и свободы являются ключевыми для правового статуса участников уголовного судопроизводства, независимо от осуществляемой ими функции. Как сформулировал свою правовую позицию Конституционный Суд РФ [3–4], законодатель вправе конкретизировать содержание закрепленного в Конституции РФ права и устанавливать правовые механизмы его осуществления, условия и порядок реализации, но при этом не должен допускать искажения существа данного права и введения таких его ограничений, которые не согласовывались бы с конституционно значимыми целями. Подобное положение в полной мере относится и к международным нормам, касающимся прав человека.

Отсутствие в УПК РФ механизма и гарантий реализации прав участников уголовного судопроизводства

производства ведет к возможному произволу со стороны как управомоченных лиц, так и должностных лиц и органов, осуществляющих производство предварительного расследования и правосудие.

Уголовно-процессуальный закон предоставил подозреваемому, обвиняемому и защитнику большую свободу поведения, чем потерпевшему, частному обвинителю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, их представителям, а также иным участникам уголовного судопроизводства.

УПК Российской Федерации закрепил за подозреваемым, обвиняемым и защитником свободу в определении поведения при выборе ими средств и способов защиты прав и свобод, предусмотрев, что они имеют право защищаться иными средствами и способами, не запрещенными УПК РФ, или использовать иные, не запрещенные данным кодексом средства и способы защиты (ст. 46, 47, 53 УПК РФ). Тогда как в отношении других участников уголовного процесса установлен закрытый перечень их правомочий.

Означает ли это, что в отношении одних участников уголовного судопроизводства основным является метод дозволительный, а в отношении других – разрешительный?

Полагаем, что нет. Осуществление защиты всеми способами, не запрещенными законом, предполагает возможность участника уголовного судопроизводства воспользоваться естественными правами, вытекающими из достоинства личности и обусловленными ее природой, нашедшими свое закрепление в Конституции Российской Федерации, национальном законодательстве, а также в международных нормах, касающихся основных прав и свобод человека. Как следствие, по нашему мнению, в отношении иных участников уголовного судопроизводства, в том числе и гражданского ответчика – участника уголовного судопроизводства со стороны защиты, законодатель поступил непоследовательно, предусмотрев закрытый перечень средств и способов защиты их прав и свобод. Частично эту позицию подтвердил Конституционный Суд Российской Федерации, постановив, что применительно к личности потерпевшего государство обязано не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред, но и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать свои права и законные интересы любым, не запрещенным законом способом [5–7].

Защищать или отстаивать свои права и свободы вправе все граждане – участники уголов-

ного судопроизводства – независимо от их процессуального статуса. В то же время способы и средства защиты или отстаивания прав и свобод должны быть правовыми. В этой связи хотелось бы отметить, что УПК Российской Федерации необоснованно ограничил установление запрещенных способов и средств защиты рамками данного кодекса. Запреты на совершение определенных действий, например подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, защитником, в уголовном процессе регулируются и другими законами (УК Российской Федерации, Кодексом Российской Федерации об административном правонарушении, а также Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Поэтому в УПК Российской Федерации должна содержаться норма следующего содержания: «Участники уголовного процесса вправе защищать и отстаивать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными действующими федеральными законами».

Что касается запретов, установленных в федеральном законе, хотелось бы отметить, что запрещающие нормы указывают на полную недопустимость и наказуемость того или иного поведения в рамках регулируемого общественного отношения [7, с. 19].

Установление запретов на определенный вид деятельности либо на определенное поведение участников уголовного судопроизводства является и определенной преградой для неограниченной свободы поведения со стороны иных лиц, общества и государства для неконтролируемых действий, защитой от произвольных требований со стороны должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование и правосудие. Как уже отмечалось, если существует запрет, то всегда есть лица, которые вправе потребовать его соблюдения. Отсюда следует, что в УПК Российской Федерации в отношении каждого участника уголовного судопроизводства, в том числе и частного лица, должен быть установлен исчерпывающий перечень запрещенных видов поведения, возможного в ходе уголовного судопроизводства, в том числе со ссылкой на другие законы, содержащие запреты. И участник уголовного процесса должен знать о существовании запретов, изложенных не только в УПК Российской Федерации, но и в ином действующем законодательстве. В связи с этим возникает вопрос: насколько свободно государство в установлении запретов на определенную деятельность в отношении личности в уголовном процессе и есть ли какие-то пределы в установлении запретов?

Полагаем, что установленные в законе запреты ограничивают свободу поведения участву-

ющих в уголовном судопроизводстве лиц. И если исходить из того, что свобода внутренне присуща человеку, а не дарована государством и законодателем, то она не может быть ограничена государством произвольно. Как и всякое ограничение прав и свобод человека, запреты и обязанности могут устанавливаться только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 55 Конституции РФ), когда возникает необходимость в урегулировании правоотношений между личностью и должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование и правосудие. При этом установление запретов не должно ставить личность в бесправное положение.

Есть еще одно обстоятельство, которое, на наш взгляд, должно быть учтено государством при установлении запретов для личности в уголовном процессе. Предусмотреть все варианты поведения человека, которые должны подлежать запрету, очень сложно, особенно с учетом конкретных ситуаций, конкретных уголовных дел. Как следствие, в УПК Российской Федерации должны быть закреплены механизмы, во-первых, обеспечивающие реализацию прав участников уголовного судопроизводства без злоупотреблений с их стороны, во-вторых, устанавливающие контроль со стороны государства и государственных органов за соблюдением личностью условий и порядка реализации прав.

На наш взгляд, в УПК Российской Федерации должен быть закреплен запрет для участников уголовного судопроизводства – частных лиц – допускать злоупотребление правами и свободами (злоупотребление правом – использование лицом при осуществлении принадлежащего ему права недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения), так как их осуществление не должно нарушать права и свободы других лиц. Указанный запрет обязан найти свое проявление и в иных нормах УПК Российской Федерации. Причем просто закрепить в законе указанный запрет мало. Действия по злоупотреблению правом должны быть предупреждаемы законодателем, а их последствия по возможности устранимы. Государство должно предусмотреть систему охранительных и обеспечительных мероприятий, чтобы не допустить злоупотребления правом.

Наличие в законе нормы, закрепляющей недопустимость злоупотреблений правами и устанавливающей запрет и санкцию за его нарушение, определяет необходимость описания признаков запрещаемого деяния, раскрытия его

содержания. Полагаем, при этом необходимо учитывать, что в случаях «злоупотребления правом», с одной стороны, отсутствует видимое нарушение каких-либо правовых предписаний, а с другой – проявляет свое действие принцип правового регулирования «разрешено все, что не запрещено законом».

Ученые, исследовавшие проблему злоупотребления процессуальным правом, пошли «от противного». Ими на основе действующего законодательства и правоприменительной практики выделены критерии категории «незлоупотребление правом» [8–13], к которым отнесены добросовестность, разумность, справедливость. При этом одни ученые делают попытку раскрыть сущность указанных категорий [14–19], другие полагают, что «ни в Кодексе, ни в каком-либо ином федеральном законе определить какие-то подходы, параметры, понятия добросовестности, справедливости, разумности в принципе невозможно» [20].

Представляется, что использование правового инструмента без раскрытия его сущности, основных характеристик недопустимо. Вместе с тем усмотрение должностных лиц, разрешающих вопрос о злоупотреблении правом, должно быть ограничено.

В.И. Емельянов полагает, что лицо следует считать добросовестным в том случае, когда оно действует без умысла причинить вред другому лицу, а также не допускает легкомыслия (самонадеянности) и небрежности по отношению к возможному причинению вреда [14, с. 132]. Нетрудно заметить, что определение добросовестности совпадает с определением невиновности. Е. Богданов под добросовестностью участников гражданских правоотношений предлагает понимать «субъективную сторону их поведения, то есть когда они не знали и не могли знать о правах третьих лиц на соответствующее имущество или иной своей неуправомоченности» [16]. В.С. Вепрев считает, что добросовестность деятельности связана с признанием того, что действия участников должны совершаться на основе принципа учета законных интересов и потребностей других участников судопроизводства, реализации ими своих правовых возможностей, причем как в отношениях на основе сотрудничества, так и в состязательных отношениях [13, с. 171].

Таким образом, можно сделать вывод, что недобросовестность означает не только осознание субъектом своих действий и вероятности причинения ими вреда другому лицу, но и, самое главное, отношение к этому знанию.

В тех случаях, когда поведение человека имеет минимальное описание в законе, т.е. модель

поведения в конкретной ситуации не определена либо имеет общее описание, важно использование критерия разумности для определения того, соответствует ли оно дозволенному или должному поведению.

Разумными следует считать действия, которые совершил бы человек, обладающий нормальным, средним уровнем интеллекта, знаний и жизненного опыта [21, с. 101; 22]. При решении вопроса о разумности оцениваемые действия сравниваются с эталонными добросовестными действиями среднего человека, обладающего определенным статусом. И если оказывается, что они менее полезны или более вредны для указанного в законе лица, чем действия в той же ситуации разумного человека, значит, требование разумности соблюдено не было.

Критерий разумности может применяться наряду с требованием справедливости. Требование действовать справедливо – это общее правило поведения человека в обществе. Человек должен действовать справедливо и соблюдать правовые нормы, конкретизирующие справедливость.

Поэтому в целях недопущения использования лицом при осуществлении принадлежащего ему права недозволённых конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения, права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и требований добросовестности, разумности и справедливости. В связи с этим представляет интерес предложение, высказанное В.С. Вепревым, о необходимости расширения круга процессуальных принципов за счет положений, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права, и закрепления их в процессуальных институтах [13, с. 136–138].

Актуальным в настоящее время является вопрос о том, может ли ограничиваться право обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) делать заявления в свою защиту, при этом используя любые аргументы, в том числе и прибегая к заведомой лжи. Проведенное нами интервьюирование показывает, что практически 100% опрошенных адвокатов и более половины следователей ОВД и прокуратуры полагают, что обвиняемый, защищаясь, имеет право на ложь. Кроме того, в комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации сказано, что «судебная практика склонна признавать субъектами ложного доноса также и обвиняемых по другому делу, если ложный донос не является способом защиты от предъявленного обвинения. Например, подлежит ответственности за ложный донос обвиняемый в убийстве, если он сообщает суду о применении к нему незаконных методов ведения

предварительного расследования. Напротив, не подлежит ответственности за ложный донос, например, обвиняемый в убийстве, если он сообщит о совершении этого преступления абсолютно непричастным к убийству лицом» [23]. Обычно практические работники руководствуются тем, что при заведомо ложном доносе умысел виновного направлен на привлечение потерпевшего к уголовной ответственности, а при клевете – на унижение его чести, достоинства, на подрыв его репутации, а не на защиту от предъявленного обвинения.

В то же время заведомо ложные заявления обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) могут нарушать права и законные интересы других участников уголовного судопроизводства. Например, в случаях, когда, используя право осуществлять защиту любыми средствами и способами, не запрещенными законом, они умышленно вызывают ложные подозрения в подлежащем наказанию поведении в отношении иных обвиняемых, а также потерпевшего, свидетеля или любого другого лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство. В этом случае, исходя из того, что пользование правами не должно нарушать права и законные интересы других, полагаем, что лица, обвиняемые в совершении преступления, должны привлекаться к ответственности.

Таким образом, в уголовном судопроизводстве должен действовать симбиоз как общедозволительных, так и разрешительных методов правового регулирования в отношении защиты прав и свобод личности.

Объем прав, которыми наделена личность в уголовном судопроизводстве, свобода ее поведения должны обеспечивать активность ее деятельности как участника уголовного судопроизводства, в то же время не позволять причинять вред другим. Причем чем шире границы свободы поведения участников уголовного судопроизводства, чем больше возможностей выбора, тем выше должна быть социальная активность личности и ее ответственность перед обществом и другими участниками уголовного судопроизводства.

Признавая права и свободы, государство гарантирует максимальную свободу определения человеком своего поведения по защите этих прав и свобод. Вместе с тем государство, принимая на себя защиту прав и свобод личности, в том числе в уголовном процессе, вправе потребовать от личности соответствующего поведения, установив обязанности, а в необходимых случаях и безусловное подчинение, ограничивая личность в правах, если это допускается Конституцией Российской Федерации и основанным на ней законодательством.

Литература

1. По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна : Постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. №4-П // Российская газета. – 1995. – 12 мая.
2. По делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, ст. 41 Уголовного кодекса РСФСР и ст. 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. №13-П // Российская газета. – 2002. – 31 июля.
3. По делу о проверке конституционности отдельных положений частей 1 и 2 ст. 118 УИК РФ в связи с жалобой З.Р. Шенгелая : Постановление Конституционного Суда РФ от 26 декабря 2003 г. // Российская газета. – 2004. – №2.
4. По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в ст. 47 и 51 УПК РСФСР и пункте 15 части 2 ст. 16. ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений», в связи с жалобами граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В. Москвичева : Постановление Конституционного Суда РФ от 25 октября 2001 г. // Российская газета. – 2001. – 14 нояб.
5. По жалобам граждан Л.Д. Вальдмана, С.М. Григорьева и региональной общественной организации «Объединение вкладчиков «МММ» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2003 г. №446-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2004. – №3.
6. По жалобе гражданки Ивкиной Валентины Оноприевны на нарушение ее конституционных прав частью первой ст. 45 : Определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2004 г. №25-О // Консультант Плюс. Судебная практика. Документ №19663 (Агб).
7. Рыбушкин Н.Н. Запрещающие нормы в советском праве. Казань, 1990.
8. По делу о проверке конституционности ряда положений Устава – основного закона Читинской области : Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 1996 г. №3-П // Российская газета. – 1996. – 17 февр.
9. Определение Верховного Суда РФ №32-В-02-1 от 20 июня 2002 г. // Консультант Плюс. ИБ Судебная практика.
10. Пальцева И. О практике применения Налогового кодекса Российской Федерации в Федеральном арбитражном суде Северо-Кавказского округа за период с 1 января 1999 года по 1 апреля 2000 года / И. Пальцева, И. Рухтина // Вестник ВАС РФ. – 2000. – №10.
11. Малиновский А.А. Вопросы квалификации злоупотребления правом // Юрист. – 2002. – №2.
12. Бозров В.М. О проблеме справедливости в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. – 2005. – №2.
13. Вепрев В.С. Основания уголовно-процессуальной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2006.
14. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. – М., 2002.
15. Скловский К. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. – 2002. – №9.
16. Богданов Е. Категория «добросовестности» в гражданском праве // Российская юстиция. – 1999. – №9.
17. Малейн Н.С. Закон, ответственность и злоупотребление правом // Советское государство и право. – 1981. – №11.
18. Малиновский А.А. Злоупотребление правом (Основы концепции). – М., 2000.
19. Щенникова Л.В. Справедливость и добросовестность в гражданском праве России // Государство и право. – 1997. – №6.
20. Витрянский В. Гражданский кодекс и суд // Вестник ВАС РФ. – 1997. – №7.
21. Брагинский М.И. Осуществление и защита гражданских прав. Сделки. Представительство. Доверенность. Исковая давность // Вестник ВАС РФ. – 1995. – №7.
22. Емельянов В.И. Понятие «разумность» в гражданском праве России // Вестник ВАС РФ. – 2002. – №10.
23. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М., 1997.